

Владимир Каткевич

Фамильная бочка

Пароходы тоже устают и страдают одышкой. Им нужна пауза, чтоб перевести дыхание. Особенно немолодым. Как при сердечной недостаточности. Пожилой пароход «Борей» два сезона подряд без передышки и дока пыхтел в круизах по островам Вест-Индии и сейчас притих на пересменке в Дакаре. Забот невпроворот: успеть высадить пассажиров, расфасовать новеньких, сменить большую часть экипажа, пополнить снабжение, принять бункер. И снова на вахту, будьте так любезны, в духовку тропиков!

Людей и все заказанное снабжение – запчасти, расходные материалы, провизию и прочее разное всякое то, что нужно позарез, и что не понадобится никогда, должен был доставить учебный теплоход высшей мореходки «Шквал». В таких рейсах курсанты получают хорошую практику докера. Говорят, заодно и судоводителя.

В средиземке штормило, и «Шквал» опаздывал. Расписание было под угрозой, впереди маячили новые круизы в Бермудском треугольнике и карнавал в Рио.

Начальство нервничало. Директор штаффа Винченцо от отчаяния уходил к одноруким бандитам – автоматам. Правда, по слухам, форсировать разгрузку должен был автопогрузчик «Балканкар», который «Шквал» привезет в трюме. Так это видится с берега. На балканчик вся надежда. Еще заказали для повышения культурного уровня белый рояль (не из палисандра, но из добротной фанеры). Рояль никак не мог ускорить погрузку. Только затормозить.

* * *

У трапа «Борея» скопилась длиннющая вереница грузовиков, многие с прицепами, фургон, рефрижераторов, пикапчиков с фруктами, деликатесами для пассажиров и прочим скоропортящимся. На грушах и персиках, нарядно укутанных в гофры, выступила испарина, а зелень на глазах теряла кудрявость. Агенты брызгали из пшикалок на продукты. Потом на себя. Терпение стивидоров, сюрвейеров и агентов было на исходе, они устали курить, назревал скандал.

Пожилый шипшандлер Миша Родригес, пригнавший с острова Гран-Канария грузовик с вином и другим ассортиментом, над агентами мудро усмехался. Он сам уже двое суток кимарил в пикапчике, но терпеливо ждал своей очереди. В отличие от других. Не привыкли ребята к необязательности. Его двоюродный брат Хуан (Харитон), младшенький, паузу воспринимал терпимо, не злорадствовал. Он сам пострадал, не успел выгрузить вино и опоздал назад на паром до острова Тенериф, где обитал. Младшенькому стукнуло семьдесят восемь, и он был на два года младше Миши Родригеса. В обозримом прошлом Харитон числился (!) неуспешным стукачом МГБ. Писал безграмотные отчеты (в каждом слове по четыре ошибки) и имел агентурный псевдоним Амиго. По замыслу чекистов Хуан (Амиго) должен был приструнить троцкистов из среды испанских политэмигрантов. Троцкистов действительно хватало, как и анархистов, но Хуан Родригес не знал, кто такой Троцкий. Карла Маркса воспринимал русским немцем с Поволжья, а товарища Ленина отважным швейцарцем, приехавшим в Россию в качестве агента Коминтерна. Кем-то вроде Че Гевары (если оперировать современными понятиями). Вот такая каша-малаша.

Родригесы происходили из испанских детей-сирот, вывезенных в 39-м в Страну Советов. Спустя сорок лет Миша, старший, похоронил свою русскую жену на Прокшинском погосте и вернулся в островную Испанию сформировавшимся советским человеком. Якобы на историческую родину по всеобщей амнистии Франциско Франко, и теперь всем рекомендовал, как им жить дальше.

* * *

Когда гуднул, наконец, «Шквал», сердце у Миши Родригеса екнуло. К двенадцатому терминалу Дакара швартовался «Сьюдад де Тарагона», пароход-невозвращенец, политэмигрант, как и они. На нем их вывезли из Валенсии в Одессу. Мише тогда было десять, а Харитоше восемь. Харитон всегда по жизни выглядел моложе. Примерно лет на десять. Непонятно только: как в восемь лет можно выглядеть на десять лет моложе?

– На этом пароходе нас везли из Испании в Одессу, – ошарашивил Миша подробностями общей биографии младшего брата Хуана-Харитона. И вытер слезы. – Одессу помнишь?

– Что ты сказал? – Харитон недослышал. Он мочился возле колеса. Из катетера в баночку. Журчало. Или он специально вредничал.

Конечно, он помнил. Как не помнить! Старость приближает детство. В штольнях катакомб Аркадии охотились на крыс. Потом жарили на костре. В русле национальных традиций. Матросы Магеллана брали кусок солонины в рот, крыски подползали к лицу, и тогда важно не зевать. Хотелось скитальцам морей свежатинки. Зубы шатались. Он бы и сейчас хвостатой закусил.

Испанских сирот обучали диверсионной войне в одесском специнтернате «Детская тубсанатория № 3». Готовили взрывников, чтобы мстить, взрывать, крушить мосты и коммуникации. Все что прикажут. Харитон не мог выговорить слово «тринитротолуол». Толуолом они глушили в Аркадии бычков. Скучно, но ярко жилось, в сезон вообще почти сытно: бычки, абрикосы-жардельки. Баклажаны воровали с огородов и ели сырыми. Толуол он менял на конфеты-подушечки. У бандитов. Сейчас подушечки не делают. Из подрывного взвода его исключили. Как отстающего в развитии.

– Ты что-то сказал? – переспросил Харитон. – Ло сьенто (Мне очень жаль)...

– Буэнос тардес! (Добрый день!) «Шквал» – это переименованный легкий крейсер «Сьюдад де Тарагона». Не узнаешь?

– Ну и что? Да какой он в жо... крейсер? (по-русски). Старая галоша.

- Ты совсем плохой? На нем нас везли из Испании в Одессу! Ты там о...сал всю каюту.
- Не может быть?
- Ты не можешь о...сать, Хуанито?
- Не может столько лет плавать паролод.
- А он и не плавал, он был штабным судном дунайской флотилии, стоял в пресной воде, потому и сохранился.
- Где стоял?
- Ты совсем дрова. Жалею, что забрал тебя из дурки.
- Иди-ка ты, фрайер мутной воды, к ... (уже по-русски)!

* * *

Невезение усугубилось и осложнилось в Дакаре, «Шквал» ошвартовали далековато от «Борея». И наступило... затишье. Новый экипаж почему-то не спешил переселяться на «Борю». Или их не пускали. По слухам, кто-то из новичков сдал перед отходом кровь на реакцию товарища Вассермана, и анализ через неделю показал положительную пробу. Правда, сифилис, как говорится, дело наживное.

Но извините, при чем здесь сифилис? Если русские могли бы давно выгрузить провизию. Ведь шипшандлеры и агенты (морские, не эмгэбэшные) от «Шквала» никак не зависят. Тогда почему их маринуют, не разгружают? Почему так наплевательски игнорируют? Унижают, в конце концов. Опять эти дурацкие принципы, распоряжения в пику логике рынка! В результате нагадят себе. Отвыкать стал от абсурда.

Наконец из трюма «Шквала» извлекли растопыристый рояль, и пассажирский помощник Заяц-Крикун уже опробовал его прямо на причале. Играл облегченное попури. Под попури и Ободзинского вирали ящики, мебель и неизвестное никому барахло. Харитоша приседал на уши, пошел поближе слушать (хотя лучше слушать издали и в филармонии). Ему нравился Ободзинский.

- А «Море» можешь? - заказал Харитон.

- Харитон Батькович, тебе море еще не надоело? - съязвил Заяц. И исполнил «Эти глаза». Он пел «эти глаза не против». Все смеялись. Хуан-Харитон удивлялся, что их рассмешило.

– Молодец! – похвалил Харитон. – Или тебе уже говорили?
«Сейчас матросы расколют мудака на курево», – прикинул Миша Родригес. Он пошел следом и раздал желающим халявщикам пачку америки.

Стали нервно смеяться и копать. Что-то из добра, добытого в трюме, покатилося и забренчало.

– Хорош небрежничать! – кричал из глубин трюма, как из преисподней, боцман Катеринка.

* * *

Мишин спаниель облаивал преимущественно темнокожих.

В африканской стране это неосмотрительно.

– Роберто, хорош гавкать! – приструнивал ушастого Харитон. – А то получишь по жопе.

Беспомощный «Балканкар» наконец приземлился на причале. Как неисправный космический корабль. Погрузчик был не очень новым, но громоздким. Допотопным. Правда, балканкаровским, из поколения выработавших ресурс. Возможно, где-то на Усть-Илиме или музыкальной речке Бирюса. Якобы душевно позаботились об облегчении морякам погрузочно-разгрузочного геморроя. Но, увы, балканчик был не на товсь. Что-то не довели из комплектующих. Или аккумулятор похоронили в другом трюме, чуть ли не на дне. И пока трюм глубиной с шестизэтажный дом не опустошат, погрузчик не оживет.

Собралась толпа мастеровых мужиков. Ротозеев и советчиков. И Харитон тут как тут.

– Если высокопарно и высоколобно, то невезение, когда погрузчик не везет! – нехстати сострил третий электромеханик Николайчик.

Вместо облегчения усилий только прибавил работы, включая и волок его самого. Весил он четыре тонны. Но это только подзадорило. Кар поддевали трубами-вагами, мешая друг другу.

Под ногами путались добровольные волонтеры из тралового флота, не выдержали. Есть такая неистребимая черта у рашенских трудящихся, рабочая солидарность. Артельная работа за-

жигает. Ну никак труженик не может смотреть, как неправильно уродуются. Хватается за лом или вагу. Хотя формально рыбачки, которые объявлены дважды моряками (и на здоровье!), подчинены совсем другому ведомству, министерству рыбной промышленности.

– Лыпнуть, – заметил боцман Катеринка, – як мухы до гивна!

Но не прогонять же! Градоначальник Дюк Ришелье тоже мог вспылить. Вырывал у нерадивых лопату и демонстрировал, как копать лунки под заморские саженцы акации. И «мать вашу» к месту употреблял. Как же без нее?

– Их, падлюг, за такие проказы хорошо бы вот на эти самые вилы, – заметили. Имелись в виду кованые вилы-рога погрузчика.

Миша Родригес тоже порывался подвезти под погрузчик испанский домкрат, но его послали на три буквы.

– С таким колхозом хорошо говно хлебать! – резюмировал Миша. Без акцента.

Харитон тоже не смог преодолеть такелажного искушения и пошел помогать смотреть.

– Иди сюда, идиот, тебе катетер оборвут! – крикнул Харитону.

Но Харитон упорно лип к погрузчику.

– Этого мудака к такелажным работам не подпускать! – потребовал Миша от боцмана Катеринки. – Он – инвалид.

– Дитя войны? – уточнил боцман.

– Двух войн.

– Миша, ты стиралку привез? – спросил из ласт-порта директор ресторана Гудзь. – Я пришлю матросов, сейчас они раз-два – и стиралка в лузе!

Прислал двух официантов, которые даже волюнили с отращиванием.

Африканская жара делала свое. Мясные туши были утрамбованы в мятые ржавые контейнеры. На жаре они стали подтекать и проседать, у лужиц сукровицы уже суетились чайки. Мухи тоже не зевали.

Стали принюхиваться к провизии и срочно наладились майнить мясо слабосильным грузовыми стрелами «Горизонта». Все своими силами, с советами под руку и неприличным паром.

Хотя в десятке метров скучали башенные порталные краны «Либхерр».

В разгар такелажного столпотворения Харитон заметил, что какой-то неопознанный доброволец поволок из общей кучи лист бакелизированной фанеры. Которая водостойкая, не горит, не плавает, но не заговорена от воров. Причем несун нацелился не на «Борю», а на рыбоморозильный траулер-завод типа «атлантик-тропик». Промысловик взгромоздил тяжеленный лист чудо-фанеры на горб, запарился, и ветром его мотало по причалу, как морского змея. Факт такой вызывающей прилюдной кражи Харитошу перепахал. Он снова осознал себя проснувшейся ячейкой Амиго и взял след. За змеем Харитоша еле поспевал. Слалом завершился у слипа траулера. Харитон потянул лист на себя. От удивления промысловик отпустил добычу.

– Я тебе, жидовская морда, смазь сотворю! – пообещал похититель и пробным прицельно-прикидочным ударом промеж глаз сразил иностранного морского агента.

– Финеру тырят! – пискляво крикнул Харитон.

На базар подоспел боцман «Бори» Катеринка.

– Ты знаешь особиста? – спросил Харитон у Катеринки. Строго официально.

– Особист и есть для того, чтобы его не знали, а он все знал, – Катеринка уклончиво поставил на место спящего агента Харитона (Амиго).

Когда Миша Родригес вернулся к машине, в пикапчике забористо зашибало селедкой. Спящий агент после ранения спал. Миша брезгливо развернул промасленную газету «Водный транспорт». Селедка была жирной, порционной, ньюфаундлендской. Выяснилось, что боцман Катеринка выменял бочку селедки у траулерного боцмана Вакулыча на бакелизированную фанеру. Харитошу о чендже не оповестили. Когда боцман Катеринка презентовал тормозком с селедкой Харитошу, тот озадачился. Харитоша догадался, что Катеринка хочет заткнуть ему рот взяткой. За бартер. Он решил предъявить вещдок особисту (пока взятку не съели). Харитоша был неподкупен.

* * *

Глаз, который ему подбили, у Харитоши был наметан, вора он безошибочно вычислял в толпе. Потому что сам был вором. Еще до коллектора-распределителя (на Французском бульваре) Харитон был шнифтером, форточником. Мальца запускали в форточку (шнифт), а он уже изнутри открывал домушникам дверь.

Когда Харитошу взяли с поличным, оперы уголовки озадачились. По-русски короед говорил плохо, вообще языки ему не давались.

– Тебе светит немалый срок, – сказал следователь. Харитон блаженно улыбался. Будто обожрался белого хлеба.

– Но энтьендо! (Не понимаю.)

– Он по-русски понимает? – спросил следователь у женщины по борьбе с малолетками.

– Ни хрена не понимаю? – огорошил всех очень русским ответом Хуан-Харитон.

– А он нормальный?

– Отстает в развитии.

– Он не отстаёт, по-моему, оно у него просто прекратилось.

– Но я же иностранец! – нашелся Харитон.

– Ты политэмигрант и политэвакуируемый. Два в одном.

– Я буду жаловаться.

– Куда?

– В Коминтерн, четвертый Интернационал.

– Так я коминтерновец, – доверительно признался следок. – Можешь мне жаловаться. Пор фавор эскрибало. (Пожалуйста, напишите все это.)

Улыбочка у соотечественника была соответствующей. Как у палача-любителя Ганса Поппельмана.

Пацаненок всем надоел. Хотели сбagrить его с рук долой, из сердца вон. Связались со школой юнг и чистосердечно предупредили:

– Он заикается.

Морских это не смутило, сказали:

– У нас все заикаются. Дети войны...

– Он еще и писается, – стращала милиционерша по борьбе с малолетками.

– У нас такие недержальщики – каждый второй, – подбодрили моряки. – Это наш клиент.

Школу юнг грозились расформировать (поток сирот иссяк), и воспитатели-надзиратели могли остаться без места, потому и набирали юнг.

В школе юнг висела «слепая» карта с кружочками населенных пунктов, нужно было угадать название. Возле карты томился малец. Преподаватель в морской форме тыкает указкой в точку (до дырки дотыкался), а малолетний моряк корячится. Искажается, выворачиваясь наизнанку:

– К-к- каа-э, к-а...

– Калуга! – не выдерживает географ...

– Калуга, – невпопад попугайничает Харитон.

Юнги (дети капитана порта) углубленно изучали английский. Это было слишком. Харитон толком не знал испанского и слабо владел русской феней. Выгнать же иностранца из школы юнг не имели права. Учитель-англичанин стал трезвонить в районо.

– Что-то делайте с ним, мэ, плиз, – сказал.

– Но у нас же нет школы для юнг с отклонениями в развитии, – чесали затылки в районо.

– Определите меня в школу троцкистов, – предложил Харитон. Все в головке перепуталось.

По строгому ходатайству милиции определили в цирк к факиру Авокадо (для непосвященных – Адвокато). Факир дружил с зеленым змием и был на крючке у милиции. Потому и взял. На должность полена. Хуан-Харитон залезал в ящик, а факир его распиливал лучковой пилой. Потом Харитон победно выскакивал и провозглашал:

– Салуд арманте!

Наэлектризованная публика удовлетворенно аплодировала.

– Рот фронт! – кричали солидарно.

Правда, была опасность, что Адвокато под мухой может его распилить всерьез.

Харитон подрост (на два сантиметра) и устраивался сам, где придется. В котельной учили пить денатурат. Его стошнило, и он испортил вахтенный журнал.

Для него было важно не что лучше, а что хуже. Скажем, команда «Динамо» или «Реал» (Мадрид). В историческом матче он, конечно, болел за «Динамо». Причастность к органам секретной службы не обязывала, но мобилизовывала. Вместе со всеми истошно кричал:

– Старшинова на мыло-о-о!

Динамо́вцы проиграли. Этнические испанцы Амиго намяли бока. Хуана-Харитона отбила конная милиция. Политэмигранты стали воспринимать Амиго стукачом, но теперь не приставали, шарахались.

В течение долгой жизни на полторы формации Хуан-Харитон попадал в разные передряги, но из своего горького опыта выводов не делал. А к потрясениям просто привык, притерпелся (в испанском языке нет аналогов) и не городил из неудач трагедии. Теперь он терпеливо уже несколько суток (!) ждал, когда выгрузят вино, спал в раскаленном, как душегубка, пикапе. И смотрел во сне Аркадию.

Он не хотел возвращаться в Испанию. Лучше уехать в Аркадию. Хотя ничего не якорило. Он никогда не был женат и не стремился изменить несемейное положение. И родными могилами не обзавелся. От этого невнятная его привязанность к стране проживания в целом без конкретики только усилилась. Никакой партии он не симпатизировал. Даже партии анархо-коллективистов имени Михаила Бакунина. Не критиковал и Франко не поносил на безопасной стороне. Это Миша, братан, забрал его из интерната. Для умственно отсталых инвалидов.

– Камараде Родригес, поедете на историческую родину, – объявили доктора. – Вам надо поехать.

Интернат был переполнен, не вмещал всех убогих.

– Мне не надо поехать! – ответил он, проявив характер.

Пригрозили электрошоком, и он поехал, куда не надо. На Лубянку. Там подняли из архива личное дело с псевдонимом Амиго.

– Спасибо за службу! – сказали.

– Служу Советскому Союзу! – отрапортовал, как учили.

– Уже не служите!

– Как так?

– Вы становитесь спящим агентом, – объяснили шепотом. – Ячейкой.

– Это оскорбуха! – одернул дознавателей Хуан-Харитон.

Он воспринял новое свое положение как «лушпайку».

– На время. Мы вас найдем там!

Когда спящий агент (или ячейка) вышел, уполномоченный покачал головой:

– Дрова! Совсем дрова!

Он, по сути дела, всегда и был спящим агентом. Пользы от него не было никакой. Но геморроя выше крыши. Только тронь.

В Испании ему все не нравилось. Еще больше. Писать по-испански он не умел. Иммиграционная служба снова не знала, что с ним делать. Он послал письмо товарищу Черненко, чтобы вернули назад. Но Черненко, как известно, помер.

* * *

На «Боре» в гаражной палубе была небольшая кран-балка, которую чуть не сломали. Но колесную недвижимость все-таки подняли.

– Здесь «Балканхрен» и умрет! – провозгласил общее желание боцман Катеринка. – Приказано плоское тащить, а круглое котить!

А как катить? Неуклюжие высокие контейнеры на хлипких колесиках. Эти капризные колесики заедают, крутятся, поворачиваются не вовремя и не туда, противно пищат. И обреченно отваливаются. Они предназначены для переходного периода, чтобы, скажем, выставить контейнер на пандусе, обеспечить подход к нему, а дальше стропить к крану или везти цивилизованно исправным погрузчиком. Лучше фирмы «Катерпиллер». Чтобы контейнер никого не расплюшил.

Власти предлагали свои транспортные услуги, техника для этого имелась в ассортименте и дразнила неподалеку. Как на выставке достижений сенегальского хозяйства. Власти объяснили доступно по-русски, слава богу, толмачей хватало, порт был ориентирован на советский траловый флот. Командование «Борея» твердо, но стыдливо от такелажных услуг отказалось. Даже рас-

сердилось. Местные другого расклада и не ожидали. К нашей неосмотрительной скаредности привыкли, только фыркали вслед.

Перемещали контейнеры с помощью... известного пара. Пара и пар рабочих рук. Рук и ног было в избытке, выше критической массы.

– Заноси корму ему! – командовал боцман Катеринка. – Корму, сказал, юзом, юзом...

– Что-о-о?

– Не елозьте!

– Мы же котим!

– Все равно шкрябает!

Из проема ласт-порта высовывается пассажирский помощник Заяц-Крикун (он уже не музицирует) и говорит под руку:

– Нет, не успеем!

– Вас придется за упаднические настроения уволить, – натужно обещает боцман Катеринка. Он сидит на корточках, подвывает бревно. На носу висит капля.

– Сорвем круизы! – обреченно паникует пассажирский. Пораженец.

Боцман показывает ему кулак и роняет бревно. На ножку доктору Гриве. Доктора поставили дежурить и следить за безопасностью погрузки, а он, советский труженик, не выдержал и стадно кинулся к рычагу второго рода в виде бревна березы. Нигде в мире нет таких берез и таких беззаветных докторов.

– Тралмастеру Селедке прибыть в рыбцех! – требуют по трансляции с БРМТ-481 Мурманского пароходства.

– Дамскому мастеру товарищу Олему срочно сдать обходной лист, – это уже с «Бори». Фамилию О'Лем иногда пишут с апострофом на ирландский манер, хотя у барбера молдавские корни. Обходной лист у него выкрало заинтересованное лицо, мужская парикмахерша Кисса. Чтобы он, О'Лем, не возвращался в семью.

С отстраненным сочувствием к какофонии жадно прислушивается из фургона-грузовика шипшандлер Миша Родригес. Белый человек. Ему приятно внимать. Он снова среди своих. Если кто-то из поставщиков возмущается, он с удовольствием ставит его на место. Кроме вина и стиралки Родригес привез для парохода какую-то мелочевку, срочную и не шибко,

канцпринадлежности, скрепки всякие для разгону. И ждал разгрузки почти с наслаждением. Он привык к очередям в Стране Советов, где не просто вырос, а где фактически жизнь промелькнула. Он просто продолжал жить в очереди. Правда, здесь номера на ладонях не писали.

Бурлакам-волокушам надо было преодолеть метров триста. Асфальт, конечно, не выдержал, его повредили. Все участники были густо перепачканы мясной кровью, будто затеяли жертвоприношение. Темнокожие власти боялись замараться, плевались издали и категорически запретили издеваться над покрытием. Наши огрызались, «демонстрируя расизм» (если озвучивать претензии без купюр). Рыбаки с местными особо не церемонились. Когда большую часть объемов с мучениями перетащили, сенегальцы принялись принудительно грузить своими техническими средствами.

Руководил рейдерской перегрузкой высокий статный негр в полувоенном хабэ, то ли из портнадзора, то ли из карантина.

– Они вам счет вломят, учтут перегрузку всего объема, – заметил по-русски шипшандлер Миша Родригес, он знал порядки.

Негр обернулся и молвил очень по-русски:

– А хули? Конечно, вломим! – стивидор закончил Одесское объединенное командно-инженерное училище.

Счет выписали с лихвой, он перекрыл даже маячившие штрафы, власти гуманно не стали настаивать на штрафах за порчу имущества и настроения.

* * *

Все бы ничего, но в трюмах обнаружили и вовсе чужое имущество, видимо, по ошибке доставленное в Африку (!). На ящиках (генеральных грузах в генеральной таре) обнаружили бирки «т/х «Феликс Дзержинский». А «Феликса» давно передали Дальневосточному пароходству. Такая вот шарада.

Заблудившиеся ящики разбрасывали небрежно и злобно. Но старпом Ложный случайно обнаружил на одном генеральном тюке еще адрес «т/х «Моздок». «Моздок» давно потонул, получается, приняли сдержанный привет с того света, и это Ложного

насторожило. Радиостанция на стоянке была опечатана, но до-тошный Ложный все-таки через посольских связался по прави-тельственной связи со службой МТС (не машинно-тракторной станции, а материально-технического снабжения). Пароходства.

– Зачем нам гардероб с покойника? – оскорблялся по радио Ложный.

– У вас уже покойник? – спросили строже и деловитее.

– Нам доставили запчасти для «Моздока», который давно утонул.

Там объяснили, что все, предназначенное «Моздоку», «Феликсу» (и остальным живым и мертвым) в последний момент переадресовано «Боре», который все-таки на передовой круизно-го фронта. А потом переуточнили:

– Так у вас покойника нет? – прямо настаивали.

– Будет! – пообещал от отчаяния (шутя) старпом Ложный-Сложный. Будто накаркал.

– На «Боре» покойника откопали! – передали по морскому телефону бурлаки.

Миша Родригес проверил наличие личного состава в личном транспорте. А Харитоши след простыл. Хорошо если пошел качать права за нокаут на «атлантик-тропик». А если отлучка его не вызвана потребностью реванша? А вдруг Хуан вообще отмутился? Сначала Миша насторожился, потом всполошился. Потом пошлепал обходить акваторию. Больше ему делать нечего.

– Жмура не видели? – в лоб спрашивал у рыбаков.

– У нас в каждом рейсе жмур, – отшучивались. – То тралом разможит, то волной кого смоем... То ядовитая рыба укусит. Работа такая.

Нашел Харитошу на судне-снабженце «Механик Висловухов». Братан в длинные нарды с рыбачками гулял, игру особо популярную в исправительно-трудовых учреждениях. Играли на интерес. За ходом поединка наблюдали чайки с лееров и марсовые матросы с марсовой площадки. На мачте. На локаторной площадке устроились бакланы. У них зрение хорошее, они рыбу на глубине четырех метров различают.

– Стопарик потянешь? – спрашивает Харитон миролюбиво. Он выпивши, причастился у рыбацков фундадором.

- Какие новости? – интересуется Миша Родригес у братана.
- Плохие или хорошие?
- Плохие, конечно, хороших не помню.
- На «Шквале» нашли труп, – докладывает Хуан-Харитон брату.
- Будем здесь вялиться до второго происшествия.
- Где нашли?
- В трюме отдыхал.
- Что, в трюме нашли жмура? – спросил для проверки Миша Родригес у боцмана Катеринки.
- Пока нет, но скоро найдут...

* * *

Все добытое и добитое подавали на гаражную палубу «Бори» кран-балкой, а оттуда грузовыми лифтами на склад или в машину, или в медблок. Куда кому. Из-за стесненности внутри парохода волокли снова вручную, все равно никто не видит.

Экипаж «Борея» стал возить на ручных тележках суррогатное шампанское. Которое в отместку капиталистам продолжали упрямо именовать в коносаентах советским. Иностранцы пиратское шампанское, как известно, изыском не признают, но хлявно пьют за милую душу.

Причащались, но не злоупотребляли. Кто-то показывал страшные рожи зеркалу и таранил германской работы зеркало с усиленной амальгамой в коридоре люксов палубы «Орион». И, естественно, смылся с места аварии.

Вдоль коридора по маршруту движения стояли с интервалами, как линейные на параде, рабочие склада. Их привилегированность была нелогичной, им бы в силу незамысловатых обязанностей самим горбатиться, а лодыри пристроились контролерами. Бугор грузчиков Степа Дрын заметил, как кативший тележку рефмоторист Афанасий Де-Тилонг (потомок в энном поколении голландских мореходов) вынул из ящика зубами бутылку шампани и опустил за пазуху своего комбинезона. Харитон тоже заметил. Финт был ему знаком еще с цирка, когда работал с пьющим факиром Адвокато. Забавно, что все фигуранты дивертисмента – и Харитон, и Степа Дрын,

и Де-Тилонг – были непьющими. Степа Дрын сделал стойку, метнулся к Де-Тилонгу, изъял у потомка из-за пазухи бутылку, водрузил ее в ячейку коробки, оскорбленно вырвал тележку и сам покатил.

Грузчики (по судовой роли рабочие склада) были обособленной производственной ячейкой, форму не носили и не требовали, работали скрытно ниже ватерлинии, где размещался склад. Среди этой деклассированной публики попадались малограмотные, которые писали печатными буквами. Учет перенесенного груза они производили электронными арифмометрами, потому что таблицы умножения не знали.

Казалось, эти носильщики-тянульщики прибилась откуда-то с Привоза, взяли подряд на шабашку и при этом не обещала рвать пупки.

* * *

Бочки с вином из гаража к складу грузчики спускали с разгона по деревянному желобу. Чтоб не перетрудиться. Внизу на финише скоростного спуска примастырили для умягчения и амортизации многострадальный диван. На этом диване иногда отдыхал бургор Степа Дрын.

– Трымай! – крикнули с грузовой палубы и катнули бочку на триста литров по бобслейной трассе. Матрос на складе заботливо убрал диван Степы Дрына (якобы чтобы не размозжить в щепки), бочка с ускорением врезалась в пиллерс (стальную стойку). Затрещали вековые дубовые доски, потух свет. Матросы в потемках остервенело доламывали бочку, цедили вино. Вино с мусором сливали прямо в нержавеющие поддоны, запасались впрок.

На судах работали люди в активном возрасте, когда хочется новых ощущений и грех не выпить на халяву. И организм еще не изношен. И добавить. Все эти сержанты и старшины попали в загранку после уставных ограничений и каботажного безденежья. Что им бочка? А бочка-то знатная. Труп Нельсона в такой бочке с ромом везли с мыса Трафальгар в Англию. Предъявить королеве. И хлебнуть из бочки ромика на посошок.

Миша Родригес прислал разбираться стивидора Харитона, он поставщик вина. Харитон Родригес увидел, как раскурочили бочку, сел на проваленный диван... и заплакал. Потом прилег. И закрыл глаза.

– Какой позорняк! – горько резюмировал боцман Катеринка. – Бочка-то с выслугой, можно сказать, фамильная.

Кликнули по трансляции доктора Гриву. Грива, хотя сам был легко ранен «Балканкаром», приковылял с лечебным костылем, послушал больного, сделал укол в вену и рекрутировал матросов с носилками.

– Вызовите скорую! – приказал доктор Грива.

– Йямэ а-унанмбьюансья! – перевел для полицейского Заяц-Крикун.

– Вот варвары! – возмутился Миша Родригес. – Той бочке триста лет, она в три раза больше стоит, чем сам шмурдяк! Какая глупость!

– Вся наша жизнь состоит из глупостей, – философски углубил отчаяние пассажирский помощник Заяц-Крикун. – Зачастую приятных...

Степа Дрын закатил пострадавшую бочку в провизионную камеру и дверь запер на убедительный висячий замок. Из другой камеры напротив кто-то бренчал.

– Стучат! – напомнили Степе Дрыну, хотя тот и так слышал.

– Не спортится! – процедил Дрын. – Не будет больше тырить! Степа воспитывал запертого минут двадцать.

Когда отпер дверь, из камеры вышел слегка посиневший реф-машинист Де-Тилонг (тот самый, который стырил бутылку шампанского). Вышел в шортах и фуфайке. Рефы напяливали дежурный ватник, когда шли в камеры. Якобы ремонтировать батареи. Но в провизионке регулярно пропадали королевские кровати.

– Степа, ты – фашист! – припечатали. И плюнули. И разошлись.

* * *

После выпивки, как водится, полагается закурить. Лучше тоже на халяву. Матросня, которая под занавес не собиралась идти на рекорды, кучковалась возле «вольво» Миши Родригеса.

- Стиралку прокрутили? – спросил Миша у Зайца-Крикуна.
– А обмыть? – напомнили.
– Уже обмыли, – заметил матрос Вертлюга.

* * *

Эмбьюлансная тачка не смогла проехать к борту, матросы еще с полкилометра несли больного вдоль пирса.

- Кажись, не дышит, – сказал один из них. – Отдуплился.

* * *

Через месяц «Борей» снова пришел в Дакар. Степа Дрын выкатил порожнюю бочку из камеры и поставил для обозрения. После пристального ремонта бочка сияла свежим лаком и новыми медными обручами. Подходили, щупали.

- Степа – супермайстер! – сказал в бочку матрос Вертлюга.
– Да ты, Степа, еще и по бондарному делу понимаешь? – хвалили.
– Поживешь, курва, в деревне, все будешь понимать, – хмуро парировал лесь Степа Дрын.

Бочка действительно была реставрирована на совесть и проверена на герметичность. Дубовый материал выделил боцман Катеринка. Добро дал помполит Тупиков.

– Что я могу сказать? – заметил Николайчик. – Муй бьен! (Очень хорошо!) Вернем в лучшем виде. Так и должно быть между порядочными партнерами. В час добрый! Во вторую бочковую жизнь. Или третью. Тем не менее трудно представить, что поставщик захочет иметь с вами дело.

– А ведь Харитоша и не поставщик был вовсе, – заметил боцман Катеринка. – Так, на подхвате. Дедушка на побегушках. Грех говорить, но вовремя помер. Хозяин бы ему голову снес напрочь. В совке его фонтанская шпана метелила в 39-м, в эвакуации в Казахстане местные. По амнюхе уехал в Испанию... Приехал, сказал: «Здрасьте вам!» – а на него смотрят как на нахлебника, которого давно списали. Он же не на фешенебельном Гран-Канария поселился, а на другом острове,

на Тенерифе. Или Лансароте. А там тоже все хлебные места заняты. В совке ко двору не пришелся и здесь лишенец. К «Боре» добирался с бочкой на пароме, тратился, хотел копейку срубить...

К борту Миша Родригес не приехал. Кровно обиделся.

* * *

Когда матросы не очень аккуратно волокли носилки (полагали, что несут уже жмура), Харитону снился слепящий игольчатыми огоньками тоннель. Путь туда. Все его проходят. Ритуальная традиция. Так бывает. Но в тоннеле к нему подбежала крыска, усатая, добрая. Почему-то в фартучке. Харитон ее погладил по головке. У испанцев к крысам нет отвращения. Как и пиетет у них не прорезается, если без соплей. Это индусы обожествляют петухов.

Испанским детям хулиганить на Тенистой нравилось. Рядом сточная канава, где полно крысок, и в катакомбах крысятник. В прибрежных штольнях испанцы жарили усатых на костре и кушали. Такая вот вековая традиция у народа. Закусывали крысами и в эвакуации в Куня-Ургенче. Там арыки кишат грызунами. Чего греха таить, Харитон знал изнанку жизни. И смиренно поспешал за усатой. А зачем она вела его? Для раскаянья? Никто не ведает. Это она знает. Всем нам этот путь уготован, кому раньше, кому завтра...

* * *

Снова через месяц пришли в Дакар, а на причале скучает пикап Родригеса. Из пикапа выходит... дедушка Хуан-Харитон (!). Убедительно живой. И машет им.

– Ола! – истошно кричат ему.

Вроде просачковал и вернулся. Все остолбенели. Боцман Катеринка перекрестился. Для общего смеха и торжества дальнейшей жизни. Харитон Родригес прикатил с братаном Мишкой Родригесом за бочкотарой, испанская сорока донесла до них новость о регламентном ремонте бочки...

* * *

А дальше (если вернуться к предсмертному мультику) крыска все вела Харитона по тоннелю. Он прикинул: «Раз крыска бегит, может, это отсрочка обломилась, может, загробная амнюха маячит, обойдется?».

Крыска вывела Харитона из подсвеченного диодами тоннеля к ведомственному пляжу. Хотя по всем показателям он был полноценным кандидатом туда. В один конец. В живописной укромной бухточке был солярий санатория имени товарища Дзержинского. Жены чекистов с ромбами загорали на нем неглиже. В основном в возрасте и полные. Хуан-Харитон стал через дырку от сучка подсматривать за ними, как в детдоме. И возбуждился. И ожил. Воскрес по всем канонам.

* * *

В матросской каюте левого борта надрывался магнитофон, вешенный из иллюминатора. Так принято гулять в нашей кантри. Музыкальная гласность с восторгом и опаской воспринята провинцией. При этом монотонно забойную музыку включают в знак протеста. В каюту уже из коридора стучит, ломится начальство, зондеркоманда Зайца-Крикуна. Но хозяин каюты ее предусмотрительно запер и наблюдает за хипежем с причала. Ключ у него в кармане. А сам он кланчит сигареты у шипшандлера Миши Родригеса. «Марльборо», конечно, без акцизных марок, контрабандные.

Обычно в кафешку, что в Одессе у Горсада, приходит скиталец морей, заказывает шипучее красное и небрежно швыряет на стол пачку «Марльборо». Чтоб видели. И заинтересованные фемины сразу делают стойку. Шмалить америку на рыбном причале Дакара – дурной тон. Как пить водку помимо пива. Или слушать под одеялом классический блатняк?

– А гости стали фрейлехс танцевать, – резюмировал Заяц-Крикун.

– Вы бы не шибко расслаблялись, ребята, – заметил Миша Родригес. – Нельзя терять бдительность. Это Дакар, а не Жмеринка!

Шипшандлер Миша Родригес расчувствовался, разорвал картонную коробку, заказанную старпомом, и щедро угостил

матросню. Разумеется, за счет старпома Ложного-Сложного. Тоже в наших нерушимых традициях. Все-таки рогатые (матросы) как подчиненные старпома заслужили американского дымка.

Харитона-Хуана обнимали и тормошили.

– Хуан воскрес! – провозглашали. – Жалеешь, что уехал за бугор по амнюхе, тореадор? – приставали. – Ты же свой пацан, Хуанчик, наскрозь ватник. А ватников легче дурить.

– А хули жалеть, – отбодрялся Хуан. – Поезда ушли... Нас же никто не выгонял силком. Да и вы здесь под боком... Дело привычки.

– Это как привыкаешь дышать испорченным воздухом, – переобъяснил на полупальцах матрос Вертлюга.

– За ОГПУ! За тебя, Хуанчик! – боцман Катеринка поднял двухлитровую рюмку (из пластиковой бутылки со срезанным доньшком) и передал по кругу. – При прежней власти такого варварства бы не допустили.

– Ты что, женился, Харитон? – интересуются. – Расписался?

– Я что, больной? Мы гражданским браком живем.

– Невеста с города?

– А... С села... С кишлака...

– Значит, местная? Хорошо!

– Не, не местная. С Мавритании...

Невесту Харитон взял особо темнокожую.

Принесли тулку-трехрядку.

– В тумане скрылась милая Одесса-а-а, – Миша Родригес растянул меха... – золоты-я-я агоньки-и-и, – Хуан-Харитон пел с настроением, предъясняя беззубый рот.

– Миша Родригес, ты стиралку привез? – перебил гала-концерт из ласт-порта директор ресторана Гудзь.

– Деньги за бочку! – дерзко приструнили рестораника.

– Аста пронто! (До скорого!) – отбоярился тот.

– Миша, тебе за демпинг стиралок харю намылят, – поостерег матрос Вертлюга.

Из-за плеча ресторатора высунулась голова в бигудях, как в бутонах. Которые пока не распустились.

– Ты сегодня, Ноля, как Коко Шанель, женщина-миф, – подбодрил Заяц-Крикун зеленщицу Нольку Годыну.

– Вы мне? – с недоумением и ломовым кокетством. – Хуан Мигелевич, вас можно поздравить с браком?

– А... пора уже...

– Что, жинку держать?

В вопросе Харитон усмотрел издевку.

– Я – долгожитель! – гордо заявил всем. – Миша, как думаешь, в чем секрет моего долголетия?

– В том, что ты из меня кровь пьешь.

От Харитона пахло селедкой.

2021, март

